
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
МУРАВЬЁВА

Сборник статей

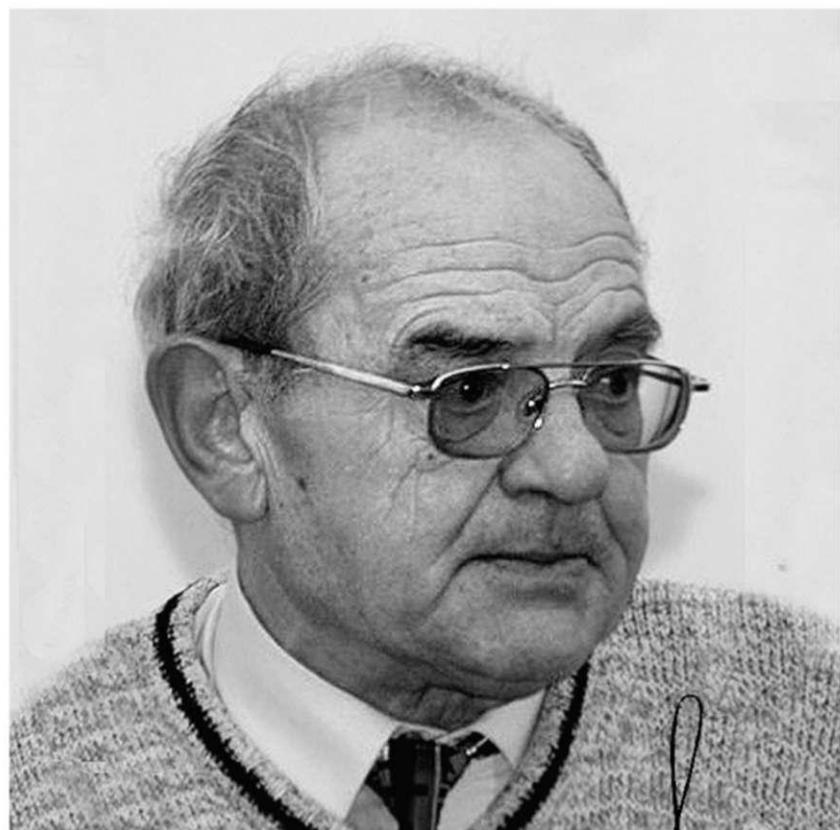
Том I

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Dr. [Signature]

**Историографические чтения
памяти профессора
Виктора Александровича Муравьёва**

Сборник статей

В двух томах

Том I

Москва 2013

УДК 930
ББК 63.2
И 90

Ответственные редакторы:
Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева

Составители:
Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева

Рецензенты:
д-р ист. наук И.Н. Дашилевский
канд. ист. наук Т.В. Гимоп

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

Отпечатано с готового оригинал-макета

ISBN 978-5-7281-1534-2
ISBN 978-5-7281-1535-9 (т. 1)

© Коллектив авторов, 2013
© Казаков Р.Б., Маловичко С.И.,
Румянцева М.Ф., составление, 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет,
оформление, 2013

Содержание

Предисловие	7
Виктор Александрович Муравьев – личность, ученый, педагог	
<i>Архипова Т.Г.</i> Памяти друга	13
<i>Шелухов В.В.</i> В.А. Муравьев: птичики к портрету ученого и педагога.....	21
<i>Шмидт С.О.</i> Выдающийся воспитанник и профессор Историко-архивного института	25
<i>Каштанов С.М.</i> Виктор Александрович Муравьев – душа кафедры ИВИД.....	36
<i>Журба О.И.</i> Виктор Александрович Муравьев глазами днепропетровского студента, аспиранта, преподавателя	40
<i>Заболотный Е.В., Камынин В.Д.</i> Научное творчество В.А. Муравьева в контексте историографических исследований в России на рубеже ХХ–XXI вв.	48
<i>Тихонов В.В.</i> В.А. Муравьев как исследователь теорий русского феодализма в отечественной историографии	61
<i>Казаков Р.В., Румянцева М.Ф.</i> Выступления В.А. Муравьева на ежегодных конференциях кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин как историографический факт	70
Историографические исследования: теория, история, актуальное состояние	
<i>Минц С.С.</i> Системность в историографии	99
<i>Колесник И.И.</i> Историография в контексте теории сетей	105

<i>Билалутдинов А.Д.</i> «Исторический ревизионизм»: проблема определения понятия	138
<i>Лубский А.В.</i> Историческая наука в современной России: интеллектуальная ситуация «fin de siècle»	150
<i>Высокова В.В.</i> Историография новой и новейшей истории стран Запада: заметки на полях.....	171
<i>Проскурякова Н.А.</i> Концепт «гражданской идентичности» в западном и отечественном обществознании	177
<i>Басалаева И.И.</i> Критерии фронттира: к постановке проблемы ...	199
<i>Вишленкова Е.А.</i> Российская империя как объект визуального исследования	217
<i>Селиванова Г.И.</i> Историографические аспекты изучения общего курса «Отечественная история» для неисторических специальностей	240
<i>Мареш Т.</i> Преподавание истории в современной системе образования Польши	248
Российская историческая наука: историографический процесс	
<i>Аксенов А.И.</i> Кризис философии Просвещения и формирование романтическо-патриотических концепций в русской историографии второй половины XVIII начала XIX в.	273
<i>Булыгина Т.А.</i> Контексты советской историографии	283
<i>Юрганов А.Л.</i> Первый шаг в десталинизации исторической науки	295
<i>Корзун В.Н., Колесатов Д.М.</i> К вопросу об образе советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие (итоги и перспективы изучения)	307
<i>Бачинин А.Н.</i> Современные споры об «Истории» Петра Великого П.Г. Устрикова	328
<i>Лапской Г.Н.</i> Методологические и концептуальные особенности советской историографии экономической истории России начала XX в.	347

*Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева**

Выступления В.А. Муравьева на ежегодных конференциях кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин как историографический факт

Предлагаемые читателю пабликации и размышления над запечатленным сегментом творческой деятельности Виктора Александровича Муравьева — его участием в ежегодных конференциях, проводимых кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ, носят не только строго научный, но отчасти и мемуарный характер. Что требует определенного пояснения.

Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института, сформировавшаяся вокруг кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, практикует видовые источниковедческие методики, ориентированные на понимание исторического (историографического) источника в контексте породившей его деятельности. Строгое следование методу должно препятствовать смешению жанров, но в данном случае мемуарные вкрапления, на наш взгляд, абсолютно необходимы. Они предопределены человеческими качествами и научным талантом Виктора Александровича, переносимостью, органичной сплетенностью его моральных качеств и педагогической и научной деятельности.

Виктор Александрович Муравьев — историк, историограф высшего уровня професионализма. Казалось бы, строго научный подход к изучению историографического наследия историка требует обращения к определенному, конечно, строго очерченному корпусу

* Казаков Роман Борисович — специалист факультета истории НИУ «Высшая школа экономики»;
Румянцева Марина Федоровна — канд. ист. наук, доцент; кафедра социальной истории факультета истории НИУ «Высшая школа экономики».

историографических источников, в первую очередь, к монографиям и статьям. Наметившиеся в последние десятилетия подходы — в проблемных полях исторической антропологии, интеллектуальной истории и в предметной области источниковедения историографии существенно расширили исследовательское пространство историографии, понимаемой сейчас скорее как история исторического знания, чем в узком смысле — история исторической науки, потребовали вовлечения в рассмотрение и акцентирования внимания на внетактических, как социокультурных и мировоззренческих (включая этические), так и повседневно-бытовых — факторах. Надо отметить, что В.А. Муравьев один из тех специалистов, кто разрабатывал и обосновывал такой подход. В его новаторской программе курса «История исторической науки» говорилось о «процессах научного познания истории», «истории исторического познания», периодизация которой связана «со сменой доминирующих методологических парадигм», «научно-историческом познании» и «историографической культуре гуманитарного знания». И он связывал такое существенное изменение статуса истории исторической науки с деятельностию нашей кафедры, к научной школе которой он принадлежал: «Развитием историографии (истории исторической науки) как одной из исторических наук, определением предмета ее изучения, объема объекта изучения и соотношения частей этого объекта (философия истории, историческая мысль, мировая историческая наука, отечественная историческая наука), ее междисциплинарными связями обусловлен сложившийся в 90-е годы подход кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГГУ к структуре и содержанию историографии (истории исторической науки) как научной дисциплины»¹.

С другой стороны, в рамках общей и слабо разработанной темы источниковедения истории современности стоит обратить внимание на проблемы, возникающие в сфере фиксации коммуникативных процессов, без исследования которых невозможно, в частности, понять структуру, системные связи и функционирование научного сообщества (или зафиксировать его отсутствие). Обращаясь к наследию наших современников, мы лишены значительной части исторических источников, обращение к которым предполагает источниковедение историографии.

Проблема многократно усложняется, когда мы обращаемся к такой незаурядной личности как Виктор Александрович Муравьев.

Виктор Александрович, будучи одаренным, широко и концептуально мыслящим историком, до обидного мало опубликовал. В этом проявлялась, с одной стороны, его требовательность к публикуемому тексту, с другой стороны, некоторые характеристики его натуры. Именно это и заставляет искать дополнительные возможности для осмыслиения научного наследия В.А. Муравьева.

И пацн взгляд, позаурядность Виктора Александровича как ученого, и как личности проявилась со всей полнотой в его участии в конференциях кафедры. Именно позаурядность личности — качество, повлекшее за собой и неординарность научной мысли.

Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин начата проводить конференции с 1989 г., когда по инициативе тогдашнего заведующего кафедрой Александра Лазаревича Станиславского была проведена первая кафедральная конференция «Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования» (межвузовская научная конференция, 31 января — 3 февраля 1989 г.). В это время В.А. Муравьев был профессором другой кафедры, но как проректор института по научной работе участвовал в организации этой конференции паряду с преподавателями пачей кафедры. А.Л. Станиславский с 1980 г. читал спецкурс для студентов «Источники по русской генеалогии», сохранились студенческие записи его лекций (позже Л.Н. Простоловосова и В.А. Муравьев подготовили чрезвычайно пасынченный впервые вводимыми в научный оборот данными доклад «Генеалогия в Историко-архивном институте» на первой конференции по вспомогательным историческим дисциплинам)². Уже практически забытая примета последних лет существования советского строя — спецкурс нельзя было просто назвать «Генеалогия...». Немалой смелостью было объявить, и конференцию по генеалогии. Еще оставалась практика получения цензурного разрешения на институтские издания, и получить «литовку» на сборник материалов конференции, посвященной «вредной дворянской науке», было непросто (если, по словам А.Н. Сперанского, сказанным в 1939 г., руководящие работники от генеалогии «парахаются», то спустя полвека руководящие работники вели себя почти так же)³. В.А. Муравьев добился разрешения на издание тезисов и стал ответственным редактором их. Во Введении к сборнику отмечалось, что это «первый научный симпозиум за много десятилетий, специально посвященный генеалогии» и что «редколлегия отдает себе отчет в том, что в опубликованных тезисах отразились и успехи (пока еще

скромные) советской генеалогии, и ее слабости, а главное — надежды на ее будущее развитие»⁴.

За истекшие с тех пор практически четверть века конференции, проводимые кафедрой, стали важнейшей составляющей научной жизни не только Историко-архивного института и Российского государственного гуманитарного университета, но и российского сообщества историков в целом. Разнообразие проблематики и широта хронологического охвата, обязательная постановка проблемных докладов привлекают внимание специалистов не только России, но и зарубежных стран. От ста с лишним до двухсот заявленных докладов на каждой конференции — это привычные для организаторов масштабы. Успеху этих научных встреч способствовало также и то, что кафедра всегда формулировала в качестве тем конференций наиболее важные проблемы исследований в сфере современных гуманитарных наук. Материалы всех конференций опубликованы и стали заметным историографическим фактом⁵.

Роль Виктора Александровича Муравьева в организации и проведении конференций невозможно переоценить, причем его участие было бесценным на всех этапах подготовки этих научных мероприятий, а подготовка эта вследствие всегда в течение более чем года, то есть подготовка конференции начиналась еще до проведения ей предшествующей.

И хотя в названии статьи заявлено, что ее предмет — *выступления*, посмотрим на роль Виктора Александровича в проведении конференций более широко, тем более что при неизменной глубине и теоретической фундаментальности конференционных докладов широта и концептуальность мышления В.А. Муравьева полномасштабно проявлялись и на иных этапах работы.

Виктор Александрович деятельно способствовал проведению конференций еще будучи проректором Московского государственного историко-архивного института по научной работе и активно включился в их подготовку, придя на кафедру заведующим в конце 1990 г.

Конференции кафедры традиционно проходят в последние четверг, пятницу, субботу января или конца января — начала февраля. Подготовка очередной конференции всегда начиналась в ноябре, примерно за год и два месяца до ее начала. Эта традиция сохранилась по сию пору, хотя в те, доинтернетовские, времена она была обусловлена желанием и возможностью проинформировать коллег в ходе очередной конференции о проблематике следующей, раздать

им информационные письма, которые сейчас, естественно, рассылаются по электронной почте.

О проблематике конференции – дело самое сложное и концептуально ответственное. При разработке проблематики кафедра всегда руководствовалась несколькими весьма жесткими критериями: (1) целостным осмысливанием состояния исторического знания / исторической науки и пониманием на этой основе актуальности тех или иных проблем, (2) концепцией источниковедения как направления, научной дисциплины, играющей интегрирующую роль в современном гуманитарном знании и осмысливаемой в ситуации междисциплинарного строения науки как фундаментальная наука о человеке⁶, и представлением о целостности системы «вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории»⁷; (3) посвящала многие конференции юбилеям и памятным датам ученых, работавших на кафедре, утверждая тем самым принцип преемственности, творческого восприятия и продолжения научных традиций, заложенных выдающимися представителями исторической науки, разрабатывавшими проблемы методологии истории, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Естественно, что кафедра проводила конференции по проблемам вспомогательных исторических дисциплин, источниковедения, а также теории и методологии истории. Если попытаться сгущировать темы конференций в пределах направлений, разрабатываемых кафедрой, то получится примерно такая картина:

— проблемы вспомогательных исторических дисциплин рассматривались на заседаниях следующих шести конференций: Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования: межвуз. науч. конф. Москва, 31 янв.–3 фев. 1989 г.; Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: науч. конф. Москва, 27–29 янв. 1994 г.; Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: XIII науч. конф. Москва, 1–2 февр. 2001 г. В честь Е.И. Каменецкой; Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006 г. Памяти Е.И. Каменецкой; Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: к 870-летию «Учения» Кирика Новгородца: науч. конф. Москва, 11–12 дек. 2006 г.; Вспомогательные исторические дисциплины и методология истории: науч. конф. Москва, 1–3 янв. 2008 г.

ции в пространстве гуманитарного знания: XXI междунар. науч. конф. Москва, 29–31 янв. 2009 г.;

проблемам источниковедения в самом широком понимании были посвящены десять конференций: Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тез. лекл. и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимины. Москва, 13–18 мая 1990 г.; Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. Москва, 27 янв.–1 февр. 1991 г.; Чтения памяти В.Б. Кобриной «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма». Москва, 26–29 янв. 1992 г.; Источниковедение XX столетия: науч. конф. Москва, 28–30 янв. 1993 г.; Россия в X–XVIII вв.: проблемы истории и источниковедения: Вторые чтения, посвященные памяти А.А. Зимины. Москва, 26–28 янв. 1995 г.; Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г.; Исторический источник. Человек и пространство: науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г.; Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: науч. конф.; Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. В честь С.О. Шмидта; Народ и власть: исторические источники и методы исследования: XVI науч. конф. Москва, 30–31 янв. 2004 г. Памяти В.В. Кабанова; Восточная Европа в древности и средневековье: проблемы источниковедения: XVII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пащуто. IV Чтения памяти д-ра ист. наук Александра Александровича Зимины. Москва, 19–22 апр. 2005 г.;

круг проблем, решаемых теорией и методологией истории, апелировался на заседаниях шести конференций: Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г.; Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1999 г.; Источниковедческая компаративистика и историческое построение: XV науч. конф. Москва, 30 янв.–1 февр. 2003 г. В честь О.М. Медуницкой; Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: вторая Междунар. науч. Интернет-конф. Ставрополь, 20 мая 2004 г.; Образ науки в университете образовании: XVII науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2005 г.; Единство гуманитарного знания: новый синтез: XIX междунар. науч. конф. Москва, 25–27 янв. 2007 г.

Видимо, особое место следует отвести некоторым конференциям. В первую очередь — «Исторический источник. Человек и пространство: науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г.», где впервые в истории таких научных встреч, организованных кафедрой, в центре внимания участников стояла историко-географическая проблематика. Задумана, а затем и проведена была и следующая конференция по проблематике исторической географии — «Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2011 г.». Конференция была посвящена 70-летию со дня рождения В.А. Муравьева.

Определенным рубежом в процессе осмыслиения места и роли Научно-педагогической школы кафедры в пространстве науки и преподавания стала конференция «Вспомогательные исторические дисциплины источниковедение методология истории в системе гуманитарного знания: XX науч. конф. Москва, 31 янв.–2 февр. 2008 г.», главным итогом которой стало теоретическое обоснование целостной системы «вспомогательные исторические дисциплины источниковедение методология истории».

В сентябре 2009 г. кафедра отметила 70-летие со дня основания. В докладах конференции «Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: XXII Междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г.» анализировался накопленный кафедрой научный и педагогический опыт, формулировались перспективные направления дальнейшей исследовательской работы.

Очевидно, что проблематика кафедральных конференций отвечает комплексу дисциплин преподавания, который реализуется Научно-педагогической школой.

Роль Виктора Александровича Муравьева в формулировании проблемы и разработке тематики очередной конференции всегда была самой существенной. Как правило, проблематика и тема следующей конференции обсуждалась совместно на заседании кафедры. Виктор Александрович предлагал свои формулировки, отбрасывал их, если они вызывали возражения, предлагал новые, правил, переделывал, принимал возражения, горячо возражал сам. Находясь рядом с ним и участвовать в этой работе было настоящим интеллектуальным наслаждением. Итогом же становилось рассыпаемое приглашение к участию в конференции, где были обозначены тема и круг проблем, предлагаемых к рассмотрению.

Хорошо известно, что Виктор Александрович много редактировал и умел это делать. Он всегда принимал участие в редактировании докладов и тезисов конференции. Ему «перепадали» тексты наиболее сложных и спорных докладов. Он часто был ответственным редактором сборников материалов. Как правило, его редактура принимала характер соавторства, за что мы его постоянно критиковали. Хотя, справедливо ради, надо признать, что вмешательство Виктора Александровича всегда шло на пользу редактируемому тексту. Текст после его редактуры приобретал стройность, большую логичность и, если так можно выразиться, элегантность. К сожалению, далеко не обо всех редакторах это можно сказать. Были у Виктора Александровича свои «фирменные» редакторские приемы: например, он безжалостно удалял из научных текстов слово «достаточно», находя его излишним. Он свободно владел всеми необходимыми навыками работы с компьютером, как теперь уже практически все профессионалы-исследователи, но и его собственные электронные тексты, и отредактированные им материалы даже по внешнему виду невозможно было спутать с текстами других авторов: у него были очень специфические и хорошо узнаваемые приемы форматирования текста. Он умел это делать, любил такую работу, был внимателен к мелочам. Ему была свойственна определенная эстетика научного творчества.

Наиболее сложный, на наш взгляд, этап подготовки конференции — составление Программы, что требует концептуальной определенности, видения целостности, умения структурировать материал. Кроме того, в Программе нужно учесть еще массу технических вещей: разумное количество докладов на заседании секции, несовпадение во времени заседаний аналогичных секций, наличие аудиторий, наличие техники и многое другое. Это особый творческий высококвалифицированный труд, который часто недооценивают. Виктор Александрович традиционно брал на себя составление черновика Программы, а затем выносил его на обсуждение коллег, тем самым, естественно, подставляя себя под критику, иногда весьма жесткую, с их стороны. И уже в процессе совместной критической работы над предоставленным нам черновиком составлялась окончательная Программа. И исходя из представления о том, что именно Программа задает и структурирует проблемное пространство конференции, мы традиционно включаем в нее все принятые Оргкомитетом доклады

вне зависимости от возможностей личного участия в работе конференции того или иного докладчика.

Виктор Александрович Муравьев традиционно вел пленарное заседание и обычно еще и заседания какой-либо секции, подходил к этой работе очень ответственно и относился к этому именно как к работе, а не как к некоей почетной роли. В ходе этих заседаний проявлялась неизменная доброжелательность Виктора Александровича, заинтересованное внимание к мыслим и суждениям участников конференции, его широчайшая эрудиция и умение направить дискуссию в продуктивном направлении.

Доклады В.А. Муравьева на конференциях, как правило на пленарных заседаниях, неизменно носили концептуальный характер и составили важнейшую часть творческого наследия последних двух десятилетий его работы в науке. Именно в докладах на ежегодных кафедральных конференциях наиболее ярко проявилась концептуальность мышления В.А. Муравьева. Кстати, отметим, что, по нашим пока еще неформализованным наблюдениям, именно на опубликованные пленарные доклады В.А. Муравьева чаще всего обращаются коллеги, обращаясь к его научному наследию.

Очень много сделал Виктор Александрович Муравьев в области исторической географии как науки и как университетской дисциплины, преподавание которой в традициях кафедры. Среди преподавателей кафедры, сформировавших традиции преподавания исторической географии в Историко-архивном институте, были И.И. Полосин, В.К. Янупский и О.М. Медутцевская. В.К. Янупский и О.М. Медутцевская читали курс «Исторической географии» с 1944 до 1960 г., когда курс был снят. После долгого перерыва преподавание исторической географии в 1984 г. возобновил А.Л. Стапиславский (об истории преподавания этого курса в Историко-архивном институте говорилось в докладе Л.Н. Простоволосовой и В.А. Муравьева на Чтениях памяти В.Б. Корбринга)⁸. Придя на кафедру, В.А. Муравьев стал читать лекционный курс исторической географии, разработал оригинальную авторскую программу его, а затем значительно расширил проблематику курса, начав читать лекции по курсам «Историческая география России» и «Историческая география Европы», основанным на его же программах.

На конференции 1997 г. В.А. Муравьев выступил с докладом (не будем в очередной раз использовать характеристику *концептуальный*, но все же подчеркнем, что все доклады В.А. Муравьева на

плебарных заседаниях носили исключительно концептуальный характер) «Пространство, время, история человека и общества: историческая география в системе исторических наук»⁹. Уже из названия доклада понятно, что в нем представлено системное видение исторического знания, в структуре которого и выявляется роль исторической географии как науки, обращающейся к одной из важнейших универсалий человеческого опыта – к *Пространству*, которое рассматривается в соотнесении с другими универсалиями – *Временем* и *Событием*. Исследуя становление исторической географии как предметной области исторического знания, автор подчеркивает ее отнюдь не прагматический характер, но изначальную гуманистическую наполненность: «Где некогда прославленные города, упоминаемые в возвращаемых в человеческую культуру античных рукописях? Где текут реки, названные древними авторами, но давно сменившие имена? Где пути воинов Александра Македонского и римских легионов, где поля их сражений? Где на Земле жили гиперборейцы и невры, пеласги или одоманты? Где в скифских стенах затерялось и погибло персидское войско? Эти и подобные им вопросы, заданные рационалистической любознательностью, в век нарастающего предпринимательского практицизма формировали основы фундаментальной гуманитарной науки, без которой бесплодным, тупиковым, быстро вымирающим оказывался бы этот самый практицизм. Стремление ученого, художника, поэта к отвлеченному гуманитарному знанию и прагматизму математика, изобретателя, мореплавателя и дельца были на этой стадии явлениями одной ментальности, объединившей людей на принципах нового (после средневековья) образа мысли и жизни и определившей духовный облик эпохи». Уже отмечалось, что ко времени начала работы на кафедре «он был уже признанным специалистом в области истории исторической науки. Но-видимому, именно это обстоятельство, а также опора на сложившиеся на кафедре традиции, которые он хорошо знал как профессиональный историограф и трепетно уважал как человек безупречной научной этики, помогли Виктору Александровичу изначально задать весьма высокий уровень осмысливания проблематики исторической географии в новой социокультурной и теоретико-познавательной ситуации 1990–2000-х годов. Во многом усилиями В.А. Муравьева в рамках Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института, стремившейся и в этой области оставаться на уровне достижений как мировой, так и отече-

ственной науки, происходило переосмысление предмета, метода и — главное — дисциплинарного статуса исторической географии: из традиционной вспомогательной исторической дисциплины, целью которой была локализация исторических событий в географическом пространстве, она трансформировалась в самостоятельное проблемное поле, а также в метод гуманитарного познания¹⁰.

Отметим, что Виктор Александрович «входил» в проблематику исторической географии также как историк исторической науки и через историю исторической науки. Начиная преподавать историческую географию, он первоначально постарался вычленить историко-географические сюжеты в сочинениях русских историков XVIII — начала XX в., насыщая курс собственным историографическим анализом их историко-географических представлений. А затем курс прирастал материалом непосредственно историко-географической тематики. Очень важно и то, что Виктор Александрович прекрасно ориентировался в истории войн, особенно Второй Мировой войны, и это помогало выстраивать разделы курса о территориальных изменениях, связанных с войнами и военными конфликтами разного рода. Через историю исторической науки и экспликацию опыта историко-географических школ российских и зарубежных историков В.А. Муравьев как бы создавал заново, переконструировал курс, и он был выстроен как оригинальный, авторский. В истории науки отмечалось, рождение наук в Новое время начиналось с написания их истории (еще практически не существующей). Похоже, что Виктор Александрович создавал для себя курс исторической географии через осмысление, в первую очередь, истории исторической географии как одной из исторических наук.

Такой подход и размышления В.А. Муравьева резко актуализируются сейчас, в период техницистской ориентированной так называемой реформы высшей школы, фактически ведущей к уничтожению гуманитарной составляющей образования и тем самым образования в его истинном смысле — как образования / создания личности.

Анализируя этапы истории исторической географии как науки, в докладе 1997 г. В.А. Муравьев последовательно эксплицирует социокультурные и философско-мировоззренческие контексты, тем самым рассматривая историческую географию не только в структуре исторического знания, но и в системе культуры, что соответствует тенденции осмысливания самостоятельного культурологического зна-

чения вспомогательных исторических дисциплин, полномасштабно проявившейся в научной работе кафедры на рубеже ХХ–XXI вв.

Осмысление этапов становления исторической географии у В.А. Муравьева не ограничивалось только лишь временем проведения конференции и подготовкой доклада. Размышления на эти темы реализовывались в статьях программного характера. Значительное место в них занимает материал об истории преподавания исторической географии в Историко-архивном институте. В статье «Историческая география: выбор пути»¹¹ В.А. Муравьев наименее ярко демонстрирует, насколько органично и перазрывно были слиты в его личности исследователь и преподаватель.

Необходимо пояснить, что сборник «Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института», где и была опубликована эта статья В.А. Муравьева, сконцентрирован в своем составе справочные и биографические материалы по истории кафедры, но открывался он серией написанных специально для этого сборника концептуальных статей, характеризовавших состояние и перспективы развития тех научных дисциплин, которые составляют собственно научное направление, реализуемое кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Так, О.М. Медуневская представила источниковедческое научно-педагогическое направление в контексте гуманитарного знания, а особенности источниковедения как дисциплины преподавания в высшей школе были охарактеризованы ею в соавторстве с В.А. Муравьевым, Е.И. Каменцева сформулировала проблемы классификации, исследования, историографии и преподавания вспомогательных исторических дисциплин, ставшие наиболее важными на рубеже ХХ–XXI столетий. Высшую степень концептуализации научных оснований Школы представлял доклад на заседании Ученого Совета РГГУ в 1998 г. «Эпистемология гуманитарного знания и профессионализм историка. Идеи и перспективы», одним из авторов которого также был В.А. Муравьев¹². Статья В.А. Муравьева концептуально обосновывала место исторической географии в системе гуманитарного знания и в системе научных дисциплин Научно-педагогической школы источниковедения.

Автор отмечает многоаспектность исторической географии и пишет: «Как учебная дисциплина, как отрасль научных исследований, как вид исторической литературы она принадлежит и к числу методологически ориентированных, наиболее действенных в этом от-

номении университетских курсов (читаемых, к сожалению, далеко не всегда не только в нашей стране), и к наиболее трудоемким и эрудиционным отраслям изучения, и к наиболее увлекающему историческому чтению». В этой работе В.А. Муравьев обращается к оставшейся дискуссионной проблеме предмета исторической географии и критикует устойчивое представление о том, что предмет исторической географии аналогичен (если не тождествен) предмету географии, но только обращенной в прошлое. Автор весьма тонко подметает, что такой взгляд, а также «постоянные попытки определить ее предмет перечислением (в некоем позитивистском вкусе) того, чем она занимается: историческая география природы, историческая география населения, историческая география хозяйства, политico-административная историческая география и т. д.» предполагают определенный тип преподавания дисциплины, «самой постановкой предмета предусматривающей не столько овладение методом, сколько освоение готовой суммы сведений в таких-то и таких-то отраслях». В.А. Муравьев констатирует: «Две разных модели образования – репроизводящая, воспроизводящая, основанная на усвоении прошлого знания, и развивающая, ориентированная на метод и на будущее знание – сталкиваются уже в этой проблеме определения». Анализ современного состояния исторической географии и перспектив ее развития автор основывает на глубочайшем знании как истории изучения этой научной дисциплины, так и истории ее преподавания.

Доклад 2008 г. «Историческая география в мире и в России (XVIII в.– 60-е гг. XX в.)» был посвящен памяти Ольги Михайловны Медушевской и представлял собой фрагмент задуманной Виктором Александровичем большой обобщющей работы, к сожалению так и не осуществленной¹³. Примечателен сам факт вынести на широкое обсуждение коллег только что начатый труд. Здесь в полной мере проявилось уже отмеченное замечательное качество Виктора Александровича – заинтересованное внимание не просто к мнению коллег из так называемой «референтной группы», а к самым разным мнениям, высказанным с разных научных (и не всегда научных) позиций. Исследовательские амбиции В.А. Муравьева и его этическая позиция были заявлены ярко и определенно: в изучении истории исторической географии он видел себя в одном ряду с В.К. Яцунским и О.М. Медушевской: «Истории возникновения исторической географии как области научных знаний и как специальной дисци-

плине, первым векам ее существования посвящена известная книга В.К. Яцунского <...>. По фундаментальности и глубине его книги принадлежит к числу трудов, долго не стареющих. Но случилось так, что никому, кроме самого В.К. Яцунского и О.М. Медушевской, не довелось продолжить историю дисциплины <...>¹⁴ Очерк истории развития исторической географии получился чрезвычайно насыщенным материалом. В.А. Муравьев сформулировал основные направления развития дисциплины от начала ее становления, охарактеризовал методы исторической географии, вышел на теоретическое осмысление феномена исторической географии.

Специалистам-историкам хорошо известно, что В.А. Муравьев никогда специально не занимался как исследователь столь специфической и сложной отраслью исторической науки как вспомогательные исторические дисциплины. По исходя из потребностей кафедры, ее движения по пути осмысливания самостоятельного культурологического значения вспомогательных исторических дисциплин и их системной включенности в комплекс когнитивной истории, В.А. Муравьев, наряду с О.М. Медушевской, включился в работу по их концептуализации, результатом чего стал его доклад на конференции 2002 г. «Вспомогательные исторические дисциплины в кругу наук о человеке и обществе»¹⁵. Автор отмечает, что утилитарное, прагматическое отношение к этим дисциплинам именно как к вспомогательным складывалось столетиями: «“Цобыча” с их помощью необходимых свидетельств и фактов, проверка их достоверности, установление подлинности и достоверности исторических источников – так, до недавнего времени трактовалась по преимуществу роль этих дисциплин в историческом познании». Такое отношение, по мнению автора, обусловлено, по преимуществу, тремя причинами: «Во-первых, это длительная “практическая стадия” бытования тех элементов культуры, которые впоследствии были преобразованы в предмет исторического изучения. Во-вторых, менее протяженная, но столь же ощутимая эмпирическая, “несистемная” стадия складывания вспомогательных исторических дисциплин, на которой историку были нужны лишь отдельные данные и отдельные дисциплины, позволявшие читать исторический источник и заниматься установлением подлинности и достоверности источника и факта. В-третьих, определенным препятствием, “путем” для попыток создания некоторого общего взгляда на эти дисциплины была и остается “тайна творца”, глубочайший профессионализм исследователя, отделяющий спе-

циалиста в области исторической хронологии от геральдиста, палеографа от "пумизматолога" и их всех вместе — от общего гуманитарного поля, на котором формируются философские системы, эпistemологические концепции и подходы, осознается единство и различие исследовательских методов». На основе анализа имеющейся литературы автор приходит к выводу, что не сложилось точного определения самого понятия «вспомогательные исторические дисциплины», не очерчен их круг и проблемное поле, отсутствует разработанная классификация. В.А. Муравьев пишет: «... попытки классификации дисциплин... упираются в неопределенность границ их общего поля и исходят, преимущественно, из эмпирически отстоявшегося материала (т. е. оформленных в научном отношении дисциплин), а критерии классификации исходят либо из носителя свойств исторического источника, либо из операционных соображений (какое именно свойство исторического источника и как именно изучается)». И предлагает модифицировать подход: «... по аналогии с современной интерпретацией источниковедения как метода гуманитарного исследования (См.: Источниковедение: История. Теория. Метод. Источники российской истории. М., 1998) уместен вопрос с чем же мы, все-таки, имеем дело: с методом или с совокупностью суммируемых или сопоставляемых наблюдений разнородных дисциплин. Первый ответ предполагает наличие некоего единства; второй ответ подобного единства пока не требует». Интегрирующее начало автор видит в общем объекте вспомогательных исторических дисциплин — историческом источнике. Но, не считая такое понимание достаточным для определения предмета вспомогательных исторических дисциплин, В.А. Муравьев предполагает, что «разнообразие вспомогательных исторических дисциплин и даже различная степень их оформленности связаны, прежде всего, с тем, что эти дисциплины проистекают из бесконечного многообразия проявлений человеческой деятельности, человеческой культуры, способов ориентации, самоутверждения и действия человека в природе и обществе». На этой основе он формулирует «общее понимание предмета вспомогательных исторических дисциплин. Этот предмет — происхождение, эволюция и функции отдельных элементов культуры человеческого общества (теоретически мыслима любая вспомогательная историческая дисциплина, предназначенная для изучения эволюции любых атрибутов, элементов культуры)». И делает вывод: «Тем определяется отпоминание вспомогательных исторических дисциплин к общему пространству

гуманитарного знания и исторического знания в частности». Автор также подчеркивает расширение полиматия функций вспомогательных исторических дисциплин в связи с принципом в ХХ в. пониманием знаковой природы культуры. Этот доклад В.А. Муравьевым имел принципиальное значение для осознания не только места вспомогательных исторических дисциплин в структуре современного исторического знания, но и для осмыслиения на новом уровне их самостоятельного культурологического значения.

И в данном случае концептуальное видение сложного комплекса «вспомогательных» исторических дисциплин, представленное в докладе, имело продолжение и конкретный результат – публикацию комплекса программ по вспомогательным историческим дисциплинам в сборнике примерных программ специальности «Историко-архивоведение», где В.А. Муравьев существенно расширил разделы, посвященные истории становления каждой из дисциплин¹⁶. А спустя год вышло очередное учебное пособие кафедры, где В.А. Муравьев выступил и автором-составителем, и ответственным редактором комплекса программ вспомогательных исторических дисциплин. Этот комплекс – свидетельство о переходе Научно-педагогической школы источниковедения к новому, более высокому уровню преподавания таких дисциплин. Здесь реализованы идеи Виктора Александровича об «общем понимании предмета вспомогательных исторических дисциплин»: программы объединены предпосланной им принципиально новой программой «Введение во вспомогательные исторические дисциплины», которую составил Виктор Александрович. Программа посвящена «вопросам истории, теории и метода вспомогательных исторических дисциплин в целом»¹⁷. Своё завершение эта линия размышлений Виктора Александровича нашла в главе совместного учебного пособия «Основы теории исторического знания», предизначенному студентам негуманитарных специальностей вузов¹⁸. В сжатом очерке удалось сделать вещь редкостную для учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам – дать их целостную и системную характеристику, представить их единство в направленности на изучение разнообразных по происхождению знаковых элементов культуры, которые «являются универсалиями, всеобщностями человеческого общества», определить место комплекса вспомогательных исторических дисциплин в науках истории: «Разнообразие вспомогательных исторических дисциплин, различная степень их оформленности [...] – связаны с тем, что эти

дисциплины проистекают из бесконечного многообразия проявлений человеческой деятельности, человеческой культуры. Если генеральной задачей исторической науки является создание представлений об историческом процессе, моделирование или понимание прошлого, то вспомогательные исторические дисциплины, способствуя ей в разработке этой генеральной задачи, предназначены для изучения отдельных атрибутов культуры прошлого, универсальных человеческого общества, «донесенных до нашего времени историческими источниками»¹⁹.

В ряде случаев проблематика конференции позволяла В.А. Муравьеву обратиться к основной его научной специальности — историку исторической науки, хотя глубокая историографическая фундаментальность отличала все его работы.

Так не один раз в своих докладах В.А. Муравьев являлся слушателям примеры, выражаясь его словами «мастерства историографического анализа». В 1990, 1995, 2000, 2005, 2010 гг. проходили Чтения памяти Александра Александровича Зимина. На Чтениях 2000 г. В.А. Муравьев сделал доклад «А.А. Зимин: историк в контексте эпохи»²⁰. XVIII научная конференция 2006 г. «Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления» была посвящена памяти Елены Ивановны Каменецкой. На этой конференции В.А. Муравьев сделал доклад «Елена Ивановна Каменецкая (1920–2004)», в котором представил биографию Е.И. Каменецкой, отметил качества ее личности и как профессиональный историограф проанализировал ее научное наследие²¹.

Кафедра не могла остаться в стороне от интереса отечественной исторической науки к исторической антропологии. В 1998 г. прошла конференция, где В.А. Муравьев выступил с докладом «Левиафан и Иона в России: Предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории»²². В этом докладе полномасштабно проявился талант Виктора Александровича как признанного историка исторической науки. Отправной точкой рассуждений служат размышления О.М. Медушиевской о перспективе развития исторического и в целом гуманистического — знания, которую она видит «в синтезе трех направлений: антропологии с ее главной идеей глобального (коэкзистенциального) единства человечества; исторической науки с ее главной идеей эволюционного развития человечества во времени; источниковедческой концепции с ее главной идеей единства источниковой

основы целенаправленной человеческой деятельности». Обращаясь к феномену человека как к основе междисциплинарности познания, здесь В.А. Муравьев формулирует мысль, оказавшуюся впоследствии востребованной в разных отраслях исторической науки: «...не только объект порождал методы изучения — методы, интегрируясь, напитывали объект». И в этой своей работе автор следует принципу широкого социокультурного контекста рассмотрения проблемы, которым и обусловлен феномен исторической антропологии и как исторический, и как историографический: «Конец традиционных обществ... побуждает к радикальному пересмотру традиционных же школ понятий и ценностей (типа “личность — общество — государство” и др.), невозможному в рамках традиционных дисциплин». В.А. Муравьев в этой работе фактически выявляет феномен антропологически ориентированного историописания в России, демонстрируя при этом широчайшую эрудицию историографа. Автор приходит к выводу, что бедность историко-антропологической традиции в российской историографии вовсе не означает, что она не предрасположена к антропологическому ракурсу рассмотрения исторического процесса, но «проблема со стороны российской истории реальна состоит в другом — в значительно меньшей обеспеченности источниками, отражающими ментальные явления, стоявшие вне государственной традиции, источниками, способными полноценно обеспечить антропологически ориентированное историческое изучение». Констатируя антропологический поворот в отечественном историописании конца XX в., В.А. Муравьев утверждает: «Этот поворот необходимая, обязательная и немаловажная часть поворота от в значительной мере традиционного общества к обществу современному, от социокультурной замкнутости к мировой социокультурной среде».

Анализ механизмов историописания В.А. Муравьев продолжил в докладах на последующих конференциях. В 1999 г. он выступил с докладом «Точное историческое знание: претензии поколений историков»²³. Постановка проблемы масштабна и может быть неожидана для специалиста (в узком смысле слова) по истории русской исторической науки рубежа XIX–XX вв., но не для историка исторической науки В.А. Муравьева — поиски точного знания историков в истории Виктор Александрович эксплицировал в мировой историографии от Геродота до начала XX в. Сквозная тема «претензий поколений историков» решается обостренно и драматично — как по-

стоянний и напряженный поиск ответов на вопросы о принципиальной возможности точного знания в гуманитарных науках. Концепция Виктора Александровича не предлагала конечных и однозначных ответов, по необходимости делавших картину развития истории исторической науки и исторического знания плоской и двухмерной, а характеризовала процесс добывания знания о прошлом на разных этапах как многомерный, неоднозначный и разноправленный. Речь шла не только о сосуществовании/смене различных концепций в историографии и исторической науке, но в большей степени о напряженных интеллектуальных поисках историков. Доклад полон кратких и метких характеристик и наблюдений: «Источниковедение приобретало аналитические и синтетические функции, еще раз уверяя исследователей в справедливости избранного направления — движения к точному, как казалось отражению прошлого» (о первой половине XIX в.), «Точность и достоверность знания в считанные годы трансформировалась в точность критически выверенных текстов, точность цепей выстроенных фактов, точность иерархии цепей представлений, точность “законов исторического движения” — до тех пор, пока на рубеже XIX–XX вв. не были поставлены, с одной стороны, проблемы критики опыта, проблемы отношения познающего субъекта к реальности, с другой стороны, состоялось упомянутое выше выступление “Баденской школы”, вновь противопоставившей точность точного, неизменного, и точность неточного, изменчивого», «Структура научного познания карамзинского времени состоит из немногих десятков писателей, пробовавших себя на этом поле: историограф Карамзин сам себе инфраструктура, вполне соответствующая задачам и ожиданиям».

На конференции в честь С.О. Шмидта «Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания» (2002) В.А. Муравьев и Н.В. Давлетшин представили доклад «Предчувствие источниковедческой революции»²⁴. Это был опыт осмыслиения изменений, которые происходят «в процессах исторического познания, прежде всего в целях, принципах и методах исследования прошлого» в связи с появлением и расширяющимся функционированием в обществе источников на электронных носителях.

В докладе «История вновь и вновь» на конференции 2003 г. «Источниковедческая компаративистика и историческое построение», организованной в честь О.М. Медутшевской, В.А. Муравьев анализирует механизмы социального воздействия на историописание, в за-

висимости от которых находится ответ на вопрос: «является ли история больше точным знанием, наукой — или больше искусством представления прошлого в интересах современников»²⁵. Автор исследует в качестве факторов, обуславливающих историческое знание, цивилизационный уровень общества, социальные ожидания и социальный заказ, идеологические и политические рамки, «институциональную инфраструктуру исторического познания», «сумму предшествующего исторического знания», «проблематику исторического изучения», «базу источников исторического знания», «теоретические основы исторического познания». В.А. Муравьев убедительно показывает, что «переписывание истории» — это нормальный процесс, имманентный историческому знанию именно как научному. В этой работе исследователь, доказывая, что «культивируемое в марксистской методологии понятие принципа объективности исторического знания лишено научного смысла», формулирует идею, впоследствии востребованную историками: «Обращаясь к исторической науке как к историописанию, историографии, мы постоянно имеем дело с многослойной временной структурой, включающей, по меньшей мере, три типа времени (два модельных и современность, которую можно расценивать как континуально-модельное время) — время изучающего субъекта или время изучающей исторической науки; время изучаемого объекта; время, моделируемое изучаемым субъектом. Уже одно это не дает нам права выносить свои оценки состояний в пределах одного лишь типа времени; вместо модели исторической науки мы будем иметь дело лишь с ее одной, неопределенной, непокализованной частью». На этой основе автор создает модель историографического исследования: «... мы постоянно же имеем дело, по меньшей мере, с тремя классами явлений — явления, принадлежащие познающему субъекту и его среде; явления, принадлежащие изучаемому историографическому объекту и его среде; явления, принадлежащие тому же изучаемому историографическому объекту, но включающие моделируемый им исторический объект. Степень “подвижности”, динамики этих частей модели исторического и историографического знания различна». В.А. Муравьев показывает необходимость в историографических дискуссиях различия понятий «“исторической науки” как социокультурного явления (и в соответствующих рамках искать соотношение идеологии и науки) и исторического познания, как явления, относящегося к области науки».

К историографической проблематике В.А. Муравьев обратился на конференции 2005 г. в докладе «Образ исторической науки прошлого в современном университетском курсе»²⁶. Автор выделяет три проблемы историографии как дисциплины университетского преподавания. Первая и важнейшая — «определение предмета изучения, которое не только формирует лицо университетской дисциплины, но и существенным образом влияет на наше видение исторической науки прошлого». Автор приходит к решению этой проблемы с точки зрения целеполагания: «Какую цель мы намерены достичь в этом университете курсе — утилитарную, узкотекническую, одновременно внедряя мысль о “закономерностях развития исторического познания” и создавая модель прогрессирующей эволюции идей, методов, средств, решений и концепций? Будет ли это историей исторического познания — скорее это курс историографического обоснования современных подходов к изучению истории... Или другую цель, представив процесс научного познания истории как самоценность и выявляя широкий историко-культурный смысл обращения к прошлому и его изучения, раскрывая экзистенциальную сторону исторического познания, но неизбежно утрачивая при этом созданную в значительной мере искусственно схему этой “прогрессирующей эволюции идей, методов, средств, решений и концепций”?

При втором подходе явным образом актуализируется проблема «факторов и компонентов, порождающих и составляющих научно-историческое познание», а также «многомерной темпоральной и смысловой структуры» образа исторической науки, подробно рассмотренные В.А. Муравьевым в докладе на конференции 2003 г.

В ходе конференции традиционно значительное внимание уделяется проблемам высшего образования в целом и преподаванию отдельных кафедральных дисциплин в системе высшей школы в частности. Несмотря на то, что проблематика преподавания часто была ограничена в ткань работ исследовательского характера, что уже отмечалось, целый ряд докладов В.А. Муравьева был специально посвящен этим вопросам и, как правило, эти доклады представлялись на круглом столе по проблемам преподавания, традиционно проходившем в последний день конференции, перед ее закрытием.

На конференции 1992 г. В.А. Муравьев, в соавторстве с Л.Н. Простоволосовой, сделал уже упоминавшийся доклад «Преподавание исторической географии в МГИЛИ». На конференции 1993 г., в соавторстве с В.В. Кабановым, «К построению курса

источниковедения истории советского общества»²⁷. Примечательно, что фактический материал, связанный с изменениями в корпусе источников по истории России новейшего времени и их особенностями, затем вошел в опубликованный курс лекций В.В. Кабанова²⁸. Доклад содержал оценки места источниковедения в вузовском образовании: «Источниковедение должно стать одним из ведущих предметов в вузах исторического профиля. [...] источникование – это средство, способ совершенствования профессионализма и орудие познания». И фиксировал ситуацию на начало 1993 г. (отметим, что с тех пор изменилось очень многое, в том числе и в РГГУ): «Постановку учебного процесса по источниковедению обеспечивает кафедра вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (ныне РГГУ). Уникальность ее стоит в том, что изучение источниковедения теснейшим образом связано с архивоведческими дисциплинами — теорией, организацией и практикой архивного дела, археографией, историей госучреждений и пр. Тем самым оно базируется на широкой документальной основе и дает возможность не только привить студенту практические навыки работы с источниками, но и закладывает добротную основу для самостоятельной исследовательской работы». Прибавим к этим размышлениям В.А. Муравьева о преподавании дисциплин кафедры уже упоминавшийся доклад на конференции 1994 г., в соавторстве с Л.П. Простоволосовой, «Ренеалогия в Историко-архивном институте». Таким образом началиось творческое освоение Виктором Александровичем дисциплин кафедры, которой он стал заведовать. Внимание к истории кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, к сделанному ею предшественниками и позволило В.А. Муравьеву не только сохранить традицию, но и выйти на новый уровень теоретического осмысливания проблематики вспомогательных исторических дисциплин, источниковедения, теории исторического знания.

В сборнике «Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института» В.А. Муравьев в соавторстве с О.М. Медунцевской опубликовали программную статью «Источниковедение в системе гуманитарного образования», где авторы развили уже высказанную ранее О.М. Медунцевской мысль о системообразующем значении источниковедения в гуманитарном образовании²⁹. Авторы подчеркнули единство и универсальный характер объекта источниковедения — все, что создало человеком, все продукты культуры в их систематическом единстве, а также универсальный харак-

тер предмета – «принципы и методы извлечения данных о человеке и обществе из исторических источников». И если базовая мысль доклада была сформулирована О.М. Медушевской, то глубочайшая историографическая фундированность работы, несомненно, заслуга В.А. Муравьева.

Подчеркнем еще одно свойство В.А. Муравьева как исследователя и преподавателя. Материалы его конференционных докладов затем становились основой разработанных им лекционных курсов, программ. Повторяя по идеи, проблематике стал предложенный им спецкурс для аспирантов «Проблема метода историографических исследований». Программа курса входила в комплекс программ для аспирантов, обучающихся по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (факультет архивного дела ИАИ РГГУ), подготовленный О.М. Медушевской, В.А. Муравьевым, М.Ф. Румянцевой и Р.Б. Казаковым³⁰. Это новый и очень свежий язык науки, это и новое видение природы и сущности историографии: «Историография как историописание <...> может быть скорее отнесена не к “вечным значимостям” (к ним можно причислить разве что само существование историописания), но к классу мировоззрческих подходов к осмыслиению картины мира. Такова природа оружей состоявшейся и потому неизменной истории как процесса, с одной стороны, и изменяющегося общества, человека и его мышления, соответственно и изменяющихся представлений об историческом процессе – с другой». Первый раздел программы озаглавлен «Мастера историографического анализа. История», второй – «Мастерство историографического анализа. Теория»³¹.

Да, Виктор Александрович мало писал и публиковал, но щедро делился своими энциклопедическими знаниями, нетривиальными мыслями и тонкими наблюдениями со студентами, аспирантами, коллегами, устойчивое сообщество которых сформировалось за четверть века проведения кафедральных конференций.

Но Виктор Александрович в полной мере обладал и гораздо более редким даром – он впитывал, усваивал идеи Научно-педагогической школы источниковедения, и не только от ее признанного лидера Ольги Михайловны Медушевской, но проявлял отнюдь не дежурный интерес к мнению гораздо более молодых коллег; при этом не только интеллигентно терпел критику, но и всегда воспринимал ее позитивно, что, впрочем, вполне в традициях кафедры.

И эти его качества наиболее ярко проявлялись, на наш взгляд, именно в совместной работе по проведению конференций, концептуальному осмыслению их проблематики, а также в ходе конференций, когда Виктор Александрович неизменно притягивал к себе коллег, всегда находился в центре их внимания.

Виктор Александрович Муравьев был человеком безупречной корпоративной этики. Сейчас это хочется особо подчеркнуть, поскольку во времена совместной работы, сотворчества с Виктором Александровичем мы этого не то что бы не ценили, а просто не замечали, как не замечают воздух в такой атмосфере, в которой легко дышится.

Примечания

¹ Историко-архивоведение. Специальность 020800: Гос. образоват. стандарт высш. профес. образования и примерные программы дисциплин федерально-го компонента (циклы общепрофес. дисциплин и дисциплины специальности) / Редкол.: Минаев В.В. (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2003. С. 571–573.

² Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 27–29 янв. 1994 г. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1994. С. 169–174.

³ Там же. С. 172.

⁴ Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования: Тез. докл. и сообщений межвуз. науч. конф. Москва, 31 янв.–3 февр. 1989 г. / Редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: МГИАИ, 1989. 140 с. 350 экз.; Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: тез. докл. и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. / отв. ред.: Ю.П. Афанасьев, А.П. Новосельцев. М.: МГИАИ, 1990. [2 вып.]. 324 с. 500 экз.; Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А.Д. Станиславского: тез. докл. и сообщений. Москва, 27 янв.–1 февр. 1991 г. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: МГИАИ, 1991. 280 с. 300 экз.; Чтения памяти В.В. Кобриша «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма»: тез. докл. и сообщений. Москва, 26–29 янв. 1992 г. / редкол.: В.А. Муравьев и др. М.: РГГУ, 1992. 221 с.; ил. 400 экз.; Источниковедение XX столетия: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 28–30 янв. 1993 г. / редкол.: Муравьев В.А. (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1993. 215 с.; ил. 200 экз.; Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 27–29 янв. 1994 г. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1994. 189 с. 200 экз.; Россия в X–XVIII вв.: проблемы

истории и источниковедения: тез. докл. и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 26–28 янв. 1995 г. / редкол.: Ю.П. Афанасьев (отв. ред.), А.Н. Сахаров (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1995. 2 ч. 690 с. 50 экз.; Источникование и компаративный метод в гуманитарном знании: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.). М.: РГГУ, 1996. 448 с. 190 экз.; Исторический источник. Человек и пространство: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. / редкол.: О.М. Медушевская (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1997. 335 с.: ил. 180 экз.; Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. / редкол.: Медушевская О.М. (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1998. 251 с. 200 экз.; Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1999 г. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1999. 163 с. 210 экз.; Россия в IX–XX веках: проблемы истории, историографии и источниковедения: сб. ст. и тез. докл. Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина / сост.: С.М. Каптанов и др. М.: Русский мир, 1999. 559 с.: ил. 1500 экз.; Историк во времени: Третья Зиминские чтения: докл. и сообщения науч. конф. / сост.: Е.А. Антонова и др.; вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 2000. 208 с. 150 экз.; Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: тез. докл. и сообщений XIII науч. конф. Москва, 1–2 февр. 2001 г. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2001. 212 с. 150 экз. В честь Е.И. Каменецкой; Источникование и историография в мире гуманитарного знания: докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. / сост. Р.Б. Казаков; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2002. 549 с. 300 экз. В честь С.О. Шмидта; Источниковедческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. 2003 г. / сост. Ю.Э. Шустрова; редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2003. XI, 373 с. 200 экз. В честь О.М. Медушевской; Народ и власть: исторические источники и методы исследования: материалы XVI науч. конф. Москва, 30–31 янв. 2004 г. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2004. 402 с. 200 экз. Памяти В.В. Кабанова; Новая локальная история: [сборник] / Ставропол. гос. ун-т и др. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. Вып. 2: Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: материалы второй Междунар. науч. Интернет-конф. Ставрополь, 20 мая 2004 г. / редкол.: С.И. Маловичко (отв. ред.) и др. 363 с.: табл. 300 экз. Конференция организована и проведена Региональным научно-образовательным центром «Новая локальная история» совместно с кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ и Ставропольским межрегиональным отделением Российского общества интеллектуальной истории; Образ науки в университетском образовании: материалы XVII науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2005 г. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2005. 309 с.; Восточная Европа в древности и средневековье: проблемы источниковедения: XVII Чтения памяти чл.-кор. АП СССР Владимира Терентьевича Паппуго. IV Чтения памяти д-ра ист. наук Александра Александровича Зимина. Москва, 19–22 апр. 2005 г.: тез. докл. / редкол.: Е.А. Мельникова (отв. ред.), М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: ИВИ РАН, 2005. 2 ч. 376 с. 220 экз.; Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006 г. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2006. 457 с. 250 экз. Памяти Е.И. Ка-

менченой; Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: к 870-летию «Учения» Кирика Новгородца: материалы науч. конф. Москва, 11–12 дек. 2006 г. / редкол.: Р.А. Симонов (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2006. 205 с. 100 экз.; Единство гуманитарного знания: новый синтез: материалы XIX междунар. науч. конф. Москва, 25–27 янв. 2007 г. / редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2007. 398 с. 250 экз.; Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. / редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2008. 2 ч. 739 с. 300 экз. Памяти О.М. Медушевской; Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: материалы XXI междунар. науч. конф. Москва, 29–31 янв. 2009 г. / редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2009. 375 с. 200 экз.; Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII Междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г. / редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2010. 434 с. 250 экз. К 90-летию со дня рождения Е.И. Каменецкой. К 90-летию со дня рождения И.А. Мироновой; Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2011 г. / редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2011. 498 с. 250 экз. К 70-летию со дня рождения В.А. Муравьева. В январе 2012 г. кафедра организует и проводит конференцию на тему «Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии».

⁶ В наибольшей степени эти представления выражены в трудах лидера научной школы источниковедения Историко-архивного института Ольги Михайловны Медушевской. См.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 358 с.; Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Медушевская О.М. Теория исторического познания: избр. произведения / сост. И.Л. Беленький; науч. ред. И.И. Ремезова. СПб.: Университетская книга, 2010. С. 534–564.

⁷ За последнее время эта целостность наиболее системно представлена в материалах кафедральных конференций: Единство гуманитарного знания: новый синтез: материалы XIX междунар. науч. конф. (2007); Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX науч. конф. (2008)

⁸ Муравьев В.А., Простоалосова Л.И. Преподавание исторической географии в МГИЛИ // Чтения памяти В.В. Кобриной «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма». С. 128–130.

⁹ Исторический источник: Человек и пространство. С. 24–35.

¹⁰ От редакторства // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. С. 17.

¹¹ Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сборник. М.: РГГУ, 2001. С. 67–86.

¹² Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сборник / сост.: Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева; отв. ред. В.А. Муравьев. М.: РГГУ, 2001. 227 с. Из содерж.: Медушевская О.М. Историко-архивическое направление: гуманитарное знание как строгое научное. С. 8–32; Медушевская О.М., Муравьев В.А. Источникование в системе гуманитарного образования. С. 33–54; Каменецкая Е.И. Вспомогательные исторические дисциплины в современном мире: Проблемы классификации, исследования, историографии, преподавания. С. 55–66; Муравьев В.А., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф., Казаков Р.Б.

Эпистемология гуманитарного знания и профессионализм историка. Идеи и перспективы (из доклада Совету Российского государственного гуманитарного университета 22.11.1998 г.), С. 124–133.

¹³ Муравьев В.А. Историческая география в мире и в России (XVIII в. — 60-е гг. XX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. С. 67–93.

¹⁴ Там же. С. 67.

¹⁵ Он же. Вспомогательные исторические дисциплины в кругу наук о человеке и обществе // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. С. 60–65.

¹⁶ Примерная программа дисциплины «Вспомогательные исторические дисциплины» // Историко-архивоведение. Специальность 020800. С. 637–700.

¹⁷ Введение во вспомогательные исторические дисциплины / Сост. В.А. Муравьев // Вспомогательные исторические дисциплины: Учеб.-метод. модуль / Под ред. В.А. Муравьева. М., 2001. С. 12.

¹⁸ Муравьев В.А. Вспомогательные исторические дисциплины: обращение историка к универсалиям человеческого опыта // Муравьев В.А., Румянцева М.Ф., Сукина Л.В. Основы теории исторического знания: Учеб. пособие для студ. негуманитар. специальностей вузов / Ин-т программных систем «УГИ им. А.К. Айламазяна». Переславль-Залесский. 2010. С. 75–96.

¹⁹ Там же. С. 76, 91.

²⁰ Историк во времени: Третий Зиминские чтения. С. 91–97.

²¹ Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления. С. 16–32.

²² Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. С. 40–44.

²³ Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. С. 11–15.

²⁴ Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. С. 180–187.

²⁵ Источниковедческая компаративистика и историческое построение. С. 22–32.

²⁶ Образ науки в университете образовании. С. 52–57.

²⁷ Источниковедение XX столетия. С. 17–27.

²⁸ Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М.: РГГУ, 1997. 385 с.

²⁹ Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сборник. С. 33–54.

³⁰ Аспирантура РГГУ. Образовательные программы. Исторические науки / редкол.: Л.Н. Простоволосова (отв. ред.). М., 2006. С. 155–265.

³¹ Там же. С. 243, 245–246.

И 90

Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьёва : сб. ст. : в 2 т. Т. 1 / сост. : Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева ; отв. ред. : Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Науч.-пед. шко-ла источниковедения сайт Источниковедение.ру. М. : РГГУ, 2013. 357 с.

ISBN 978-5-7281-1534-2

ISBN 978-5-7281-1535-9 (т. 1)

В.А. Муравьев (1941–2009) выпускник, аспирант и преподаватель, профессор и заведующий кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (МГИЛИ РГГУ). Разделы сборника содержат статьи, посвященные изучению научного наследия В.А. Муравьева, теоретических проблем историографических исследований, истории и современного состояния истории исторической науки. Анализируются основные характеристики историографического процесса в российской исторической науке, аспекты творчества некоторых российских историков XIX–XXI вв. Цемонтируются современные исследовательские практики историографических исследований. Исследуются источники изучения истории исторической науки.

Для специалистов в области гуманитарного знания, теории и методологии истории, истории исторической науки, источниковедения, исторической географии, вспомогательных исторических дисциплин.

УДК 930
ББК 63.2

Компьютерная верстка
Д.А. Добровольский

Уч.-изд. л. 20,3. Усл. печ. л. 20,9.
Тираж 200 экз. Заказ № 121.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8 499 973 4206